

© 2001 г., ЭО, № 2

С.В. Чешко

КРИЗИС ДОКТРИНЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Постановка проблемы

Категория права на самоопределение относится к числу самых сложных проблем международного права и политической практики. Зачастую она оказывается связанной с этническими и конфессиональными конфликтами, сепаратистскими движениями, действиями террористических организаций.

В России пик страстей вокруг «самоопределенческой» тематики, пришедший на конец 1980-х – начало 1990-х годов, в основном миновал, если не считать весьма специфического случая с Чечней. Однако сама тема не исчезла и не стала менее актуальной. В сегодняшней России почти не звучат призывы к отделению тех или иных регионов, не существует влиятельных сепаратистских организаций. Вместе с тем риторика и символика самоопределения продолжают присутствовать в публикациях, политике, законодательных актах некоторых «республик в составе РФ» – декларациях о суверенитете, принятых в начале 1990-х годов¹, договорах о разграничении полномочий с федеральной властью². Парадигма самоопределения служит главной идеологической основой отторжения проектов реформирования российского федерализма, которые предусматривают ликвидацию привилегированного положения «национальных» республик по сравнению с краями и областями, объединение субъектов федерации и т.п. Еще один источник стимулирования дискуссий о самоопределении – активизация национальных движений за признание соответствующих групп населения в качестве самостоятельных этносов, включение в перечень народов для переписи населения, список коренных малочисленных народов, указание их национальности в личных документах и т.д.

В советское время отечественные специалисты, государственные и партийные инстанции не придавали особого значения проблеме самоопределения. Ее как бы не существовало. В официальной идеологии и обществоведческой литературе безраздельно господствовали стереотипы, связанные с ленинской формулой самоопределения, о том, что этот принцип был реализован при создании РСФСР и СССР. В Конституции СССР 1977 г. записано: «Союз Советских Социалистических Республик – единое союзное многонациональное государство, образованное... в результате свободного самоопределения наций...»³. Что же касается событий в зарубежных странах – странах «несоциалистических», то национально-освободительные, как их называли, движения обычно довольно некритично признавались прогрессивными и рассматривались как справедливая борьба за независимость.

Ситуация резко изменилась в конце 1980-х годов, когда политика реформирования советского общества вызвала к жизни уже собственные национальные движения. Эти движения возродили лозунг самоопределения, трактуя его вполне в ленинском духе. Подавляющее большинство политиков и ученых-обществоведов не ставили его под сомнение, но расходились в оправданности его применения в условиях СССР и в его трактовке. Радикальные критики советской истории и советской государственной системы утверждали, что народы СССР испытывают угнетение и поэтому имеют право претендовать на политическое самоопределение. Более умеренные или просто

консервативные люди не видели в этом необходимости, считая, что самоопределение уже свершилось. Наконец, В.А. Тишков высказывал мысль о том, что самоопределение должно быть своего рода постоянным процессом, а не разовым актом, и связывал этот принцип главным образом с проблемой национальных автономий⁴.

Несмотря на то что за годы «перестройки» и в постсоветский период термин «самоопределение» превратился в нашей стране в одну из важнейших идеологем и политико-правовых категорий, яснее он не стал. По существу на законодательном уровне даже не было попыток дать четкое определение этому термину. Оживленные дискуссии ученых, политиков, идеологов национальных движений обнаружили удручающую неспособность, а зачастую и нежелание договориться хотя бы по основным концептуальным аспектам проблемы. За рубежом и в международной правовой практике дело обстоит не лучше. Учитывая чрезвычайную запутанность вопроса и противоречивость международно-правовых документов, ООН, как отмечал известный специалист по международному праву А.Х. Абашидзе, старается просто не высказывать своего официального мнения по поводу содержания права народов на самоопределение⁵.

Такая ситуация отчасти обусловлена тем, что парадигма самоопределения относится к числу наиболее политизированных вопросов, касающихся так называемых этнических отношений. Она активно эксплуатируется во всевозможных политических комбинациях, и поэтому заинтересованным сторонам оказывается чрезвычайно трудно найти взвешенный, научно обоснованный подход к ее четкой категоризации.

В дискуссиях о самоопределении – когда оно трактуется в качестве некоего императива – зачастую проявляется еще один примечательный момент, связанный с особенностями нашего политического мышления. Многим сфера общественных отношений, будь то политика, экономика, культура или социальное поведение населения, представляется полем неограниченного по эффективности и оправданности воздействия со стороны государства. Следует только принять правильные законы – чем больше, тем лучше, – и процессы в обществе будут идти так, как нужно. Соответственно рассматривается лишь проблема нахождения способов реализации самоопределения. Сама же эта парадигма не подвергается сомнению.

Такая психология коренится в советских политических традициях. Несмотря на господство в советском обществоведении и официальной идеологии объективистской истматовской методологии, реально, на уровне партийно-бюрократического менталитета, доминировало представление о всесильности «руководящей и направляющей» деятельности КПСС. Советское общество развивалось не в силу провозглашенных движителем истории объективных законов, а по указанию руководящих партийно-государственных органов. Сфера этнических отношений тоже испытала на себе этот «объективистский субъективизм». Советские этнологи и социологи вполне серьезно работали над программами «оптимизации межнациональных отношений», полагая, что они знают, в чем должна заключаться эта оптимизация, и веря, что она может быть достигнута посредством системы специальных мер со стороны государства.

После исчезновения СССР «десоветизация» политической мысли, касающейся понимания механизмов этнокультурного развития и этнополитических отношений, отнюдь не наступила. На протяжении более 10 лет (если вести отсчет с конца 1980-х годов, когда начался процесс ревизии советской «национальной политики») весь реформаторский процесс в этой области сводился к разработке законов, концепций программ, призванных регламентировать этническую ситуацию в стране, и к созданию различных общественных и общественно-государственных институтов, которые должны были заниматься таким регламентированием. Действует старая психология: нужно лишь выработать эффективные меры государственного воздействия, и проблемы будут решены. По существу сменились только лозунги: на смену «укреплению дружбы народов», «расцвета и сближения социалистических наций и народностей», «оптимизации межнациональных отношений» пришли «возрождение национальных культур» «восстановление исторической справедливости», «обеспечение прав коренных наро-

дов» и т.п. Смена лозунгов обусловлена не только сменой идеологических ориентиров, приличествующей заявленному курсу на освобождение от груза прошлого и демократизацию общества, но и тем, что на политическую сцену выдвинулись новые или обновленные этнические и этнорегиональные элиты. Между собой последние могут вести ожесточенную борьбу, однако всегда образуют единый фронт в отстаивании приоритетности так называемых этнических прав, если он вступает в противоречие с принципами гражданского равноправия или равноправия субъектов РФ.

Фундаментальная же причина того, что попытки формализации принципа самоопределения не дали до сих пор достаточно ощутимых результатов, заключается в сложности проблемы с точки зрения как внутренней противоречивости этого принципа, так и его практической реализации. Когда мы переходим от декларирования права на самоопределение к скрупулезному анализу, возникает немало трудных вопросов: в чем суть права на самоопределение; кто и кем может быть признан его обладателем; как оно должно рассматриваться в контексте соотношения индивидуальных и коллективных прав; каковы механизмы осуществления права на самоопределение; где это право должно заканчиваться, чем и кем ограничиваться; приоритет национального или международного права должен действовать при реализации принципа самоопределения? Без ответа на эти и другие сопутствующие вопросы нельзя переводить принцип самоопределения из области красивых идей в сферу практической юриспруденции и политики.

Прежде чем обратиться к анализу некоторых из этих вопросов, я должен подчеркнуть, что имею в виду главным образом территориально-политические формы самоопределения (образование независимых государств или самоуправляющихся автономий), а также статуйрование этнических общностей по признакам отнесения их к меньшинствам, коренным и малочисленным народам и т.п. с предоставлением им правовых, политических и экономических привилегий. И вовсе не потому, что считаю такие формы самоопределения базовыми или наиболее перспективными. Как раз наоборот. Для современной этнолого-правовой мысли все больше становится характерной тенденция рассматривать в качестве приоритетных, с точки зрения удовлетворения этнокультурных запросов и одновременно понижения политизации этничности, экстерриториальные формы в виде национально-культурной автономии и других способов самоорганизации граждан. Однако реальность такова, что именно политическое самоопределение зачастую остается стержнем проблемы, явной или скрытой (например, в виде формального признания той же национально-культурной автономии) подоплекой этнополитических коллизий.

Откуда есть пошло самоопределение: из истории вопроса

Есть большой соблазн связать идею самоопределения с присущими людям «естественными», «фундаментальными» правами. Собственно, эта мысль высказывается и напрямую – например, когда утверждается некая имманентная приоритетность суверенитета этнических общностей. Такой посыл составляет психологическую основу как убеждения в том, что принцип политического самоопределения должен главенствовать в установлении отношений между государством и подвластными ему группами населения – этническими, расовыми, конфессиональными, так и идеологии этносепаратизма.

В некоторых международных актах можно обнаружить ссылки на то, что самоопределение действительно относится к числу неоспоримых прав. Так, в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах и Международном пакте о гражданских и политических правах, принятых Генеральной ассамблеей ООН в один и тот же день, 16 декабря 1966 г., сказано: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие»⁶. Следует, однако, иметь в виду неясность и противоречивость установлений ООН о

самоопределении, о чем говорилось выше, а также то, что эти установления появились после образования самой этой организации. Ни в Уставе ООН, ни во Всеобщей декларации прав человека нет никаких упоминаний о праве на самоопределение. Эта идея в рамках ООН стала формироваться только в 1950-е годы⁷.

Существенным аспектом проблемы является то, что из сферы самоопределения обычно выпадает именно человек. Человек как индивид, носитель тех самых естественных прав и в конечном счете главный субъект всех новейших правовых, политических и этнических процессов. Правда, в международном праве оговаривается право индивидов на самоопределение, однако его соотношение с групповым правом на самоопределение не выяснено⁸. А в рамках существующих и разрабатывающихся в нашей стране юридических норм и политических проектов, а также в публикациях, касающихся самоопределения, очень редко присутствует даже постановка вопроса о самоопределении индивида.

Моя позиция заключается в том, что именно индивидуальные права и свободный индивидуальный выбор лучше всего обеспечивают и возможность коллективного самоопределения. *Приоритет индивидуальных прав обусловлен не только тем, что в демократическом обществе человек как таковой – главная социальная ценность и носитель фундаментальных гражданских прав, но и тем, что только такой подход ведет к реализации и прав групповых.* Разумеется, никакой принцип, в том числе принцип приоритетности индивидуальных прав, нельзя возводить в абсолют и доводить до абсурда. Поэтому представляется верной позиция тех специалистов, которые призывают искать оптимальные варианты сочетания индивидуальных и групповых прав⁹, хотя пока не удается найти практических путей реализации такого подхода. Кроме того, мой тезис нуждается и в другом уточнении, касающемся понимания индивидуального самоопределения.

Теоретически идее индивидуального самоопределения могут соответствовать две модели устройства общественных отношений, способные гарантировать человеку самостоятельный выбор своего места в жизни.

Одна из них – анархизм. Так, П.А. Кропоткин, конструируя модель анархического устройства общества, писал: «Каждому отдельному лицу предоставляется, таким образом, свобода действий, чтобы оно могло развить все свои естественные способности, свою *индивидуальность*, т.е. все то, что в нем может быть своего, личного, особенного. Другими словами – никакого *навязывания* отдельному лицу каких бы то ни было действий под угрозой общественного наказания или же сверхъестественного мистического возмездия: общество ничего не требует от отдельного лица, чего это лицо само не согласно добровольно в данное время исполнять»¹⁰.

Анархизм – идея сугубо гипотетическая и по сути своей ложная. Гипотетическая потому, что реально она никогда и нигде не была осуществлена, да и не могла быть осуществлена, поскольку основывалась на заведомо утопическом посыле. «Мы представляем себе общество, – писал П.А. Кропоткин, – в виде организма, в котором отношения между отдельными его членами определяются не законами... не какими то ни было властителями, избранными или же получившими власть по наследию, а взаимными соглашениями, свободно состоявшимися, равно как и привычками и обычаями, также свободно признанными»¹¹. Ложная потому, что анархизм по существу имеет такой же императивный характер, как и любая другая социальная доктрина, поскольку он тоже *предписывает* человеку некий стандарт – якобы возможную свободу личности. В действительности условием этой свободы является приобщение к группе столь же «свободных» индивидов, принятие ее правил. Абсолютная свобода личности – это, как известно, весьма наивное заблуждение. Но и абсолютная свобода личности в группе и вместе с группой – такое же заблуждение.

Другая модель – свобода личности в рамках демократического гражданского общества западного образца. Разумеется, в таком обществе индивид гораздо более самостоятелен, чем в обществе «традиционалистском». Однако и здесь его возможности самоопределения оказываются ограниченными очень многими обстоятельствами.

В любом обществе – а человек является человеком постольку, поскольку он является членом общества – существуют очень жесткие пределы самоопределения индивида.

Нетрудно заметить, что в приведенных примерах превалирование индивидуального начала над коллективистским обусловлено принадлежностью к соответствующему коллективу, который провозглашает этот примат в качестве нормы и ограничен рамками, защищающими коллектив от разрушения изнутри. Казалось бы, данное обстоятельство опровергает приведенный выше тезис о первичности индивидуальных прав над групповыми. Однако, думаю, это не так.

Политико-антропологические концепции (т.е. те, которые сконцентрированы на индивиде) предусматривают логику отношений «индивид – коллектив». Традиционный для советско-постсоветского идеологического континуума подход основывается на противоположной логике «коллектив – индивид». Во втором случае имеется в виду не коллектив индивидов, образующийся в результате их сознательного или инстинктивного *выбора*, а некая недифференцированная и вечная общность, посредством которой (и только посредством которой) индивид оказывается носителем определенных прав. Фактически подразумевается, что такая группа выступает как единое целое, обладает единой волей, едиными интересами. Более того, каждый член группы не только обладает правами – благодаря принадлежности к ней, но и *обязан* иметь эти права, быть полностью лояльным к идее этого якобы существующего единства.

Рассуждая о соотношении индивидуального и коллективистского начал, я отнюдь не имею в виду общесоциологический аспект этой проблемы. Человек является таковым именно потому, что он представляет собой «животное социальное». Впрочем, если в мире остальных животных обнаруживается множество аналогичных примеров (муравьи, пчелы, приматы и многие другие), то это свидетельствует лишь о глубоких корнях человеческого рода и правомерности эволюционистских взглядов на его происхождение. Столь же справедливо можно сказать, что муравей является муравьем в силу того, что он член муравейника.

Человека делает человеком коллективистское начало. Вместе с тем представляется, как минимум, далеко не бесспорным, что это начало имеет *этнический* характер, особенно если учитывать громадный разброс мнений о сущности этого *этнического* и дискуссий о том, в какие эпохи оно возникло. Но дело даже не в этом. Для организации общества, отношений между людьми важны не антропосоциогенетические концепции, а общественно-политические тенденции, идеологические принципы, правовые нормы, соответствующие данной эпохе. Безусловный императив современной эпохи – принцип первичности именно индивидуальных прав. Показательно, что главный международный документ программного характера – Всеобщая декларация прав человека – полностью построен на принципе индивидуальных прав и, более того, прямо предписывает *народам* и государствам придерживаться этого принципа (см. «Преамбулу») ¹². Кстати говоря, в аналогичной декларации, принятой в СССР в 1991 г., точно указывается на преимущественность прав человека по отношению к праву на самоопределение (ст. 31) ¹³.

Если обратиться к истории возникновения и развития парадигмы самоопределения ¹⁴, то придется констатировать, что она связана не с некими якобы изначальными и вечными ценностями человеческого рода, а с конкретными обстоятельствами политической истории.

Акты «самоопределения» при большом желании обнаруживаются в какие угодно эпохи, когда происходило образование новых государств путем распада прежних или отделения их частей. Под самоопределение можно, например, подверстать историю Киевской Руси, да и всей истории России. Независимые и свободолюбивые восточнославянские *этносы* (вятичи, кривичи, радимичи, древляне и пр.) были насильственно объединены варяжскими князьями, а затем в результате длительной борьбы за *самоопределение* завоевали свободу и «национальную государственность» (междоусобные войны и феодальная раздробленность). Однако потом коварная Москва, исходя из своих имперских амбиций и пользуясь поддержкой золотоордынских оккупантов,

завоевала эти «новые посткиевские государства» и в конечном счете в течение последующих столетий установила свой диктат над народами Древней Руси и прочими территориями. И так далее вплоть до образования СССР. Подобный сценарий отнюдь не ёрничество. Определенного рода публицистические и наукообразные изыскания, которые начали появляться еще в позднесоветскую эпоху, изобилуют наивно-романтическими «концепциями» многовековой или даже тысячелетней борьбы тех или иных *этносов* за независимость.

В новое время цепь «самоопределений» тянулась от нидерландской до американской войн за независимость. Однако возникновение и формализация идеи самоопределения как таковой относятся главным образом ко второй половине XIX в. Этот процесс был связан с возникновением *национальных движений*, претендовавших на создание собственных автономий или самостоятельных государств. Экономическая и политическая подоплека этого процесса хорошо исследована: вступление Европы в капиталистическую фазу развития, взаимодействие тенденций международной интеграции и национального размежевания.

Как бы это ни было неприятно современным идеологам антикоммунизма, сама формула самоопределения родилась в значительной степени в контексте социал-демократической мысли конца XIX в.¹⁵, а свое логическое и радикальное завершение получила в виде знаменитого ленинского императива о праве наций на самоопределение: «Право на самоопределение наций означает исключительно право на независимость в политическом смысле, на свободное политическое отделение от угнетающей нации»¹⁶. Радикализм заключался в том, что В.И. Ленин не только допускал отделение, но и настаивал на том, что право на самоопределение может быть таковым только при условии, что оно должно обязательно включать и право на отделение. Впрочем, еще дальше пошел И.В. Сталин, когда предложил заменить расплывчатый, по его мнению, тезис о самоопределении «ясным революционным лозунгом о праве наций и колоний на государственное отделение, на образование самостоятельного государства»¹⁷, хотя, как нетрудно заметить, большой разницы здесь нет.

На мой взгляд, позиция Ленина и следовавших за ним большевиков и прочих социал-демократов объясняется двумя причинами. Одна из них многократно обсуждалась в советологических публикациях, как зарубежных, так и отечественных, относящихся к перестроечным и постперестроечным годам: стремление привлечь на свою сторону всех потенциальных союзников в борьбе против царизма, а затем против белого движения (оно, как известно, в основном придерживалось лозунга единой и неделимой России) и международного империализма. Кстати, сам Ленин прямо увязывал поддержку национально-освободительных движений с задачами мировой революции¹⁸. Другая причина состояла в том, что российские социал-демократы, включая большевиков, были по сути своей стихийными борцами за всеобщую справедливость и освобождение народов от колониальной и прочей зависимости являлось их естественным идеалом.

Нет нужды в очередной раз – после многих публикаций, хотя и весьма разнородных по своим идеологическим ориентациям и выводам – описывать, как происходило «самоопределение» народов РСФСР, а затем и СССР. Союзные и автономные республики создавались не по мифической воле народов, а в силу политических, экономических, стратегических соображений, компромиссов между центральной властью и этническими элитами. Другой вариант «самоопределения» представлял собой вильсониаанский план переделки государственных границ Европы после первой мировой войны. Идеологическая основа была иной. Общим было то, что в обоих случаях происходило «самоопределение» народов заинтересованными политическими силами. В обоих случаях не было ничего принципиально нового и демократичного по сравнению, например, с перекраиванием Европы Венским конгрессом 1814–1815 гг.

Следующая крупная волна «самоопределения» пришла на 1940–1960-е годы, когда колонии и зависимые страны обрели государственную независимость. Именно к этому периоду относятся и основополагающие документы ООН, касающиеся принципа самоопределения. Как и во всех предыдущих случаях, не сами народы по боль-

шей части решали, как им нужно самоопределяться, а ведущие державы мира. В результате образовалось множество очагов долговременных и часто кровопролитных конфликтов в Азии и Африке.

Наконец, можно говорить о последней волне, связанной с распадом СССР. Правда, это эпохальное событие несколько отодвинуло на задний план многие застарелые варианты неосуществленного самоопределения: движения за независимость у ирландцев и шотландцев Соединенного Королевства, франкофонов Канады, тамилы Шри-Ланки, курдов Турции и Ирака, албанцев Югославии и др. Обстоятельства распада СССР и возникновения постсоветских государств служат еще одним убедительным примером того, как под видом самоопределения народов самоопределялись этнические элиты¹⁹.

Возможно, практика не является абсолютно надежным критерием истины, особенно если поставить под сомнение существование неких истин, касающихся общественных процессов. Однако исторический опыт полезен как раз тем, что он дает основания усомниться в некоторых привычных аксиомах, декларируемых и догматизируемых с точки зрения якобы непреложных закономерностей истории. История показывает, что лозунг самоопределения – это изобретение эпохи новейшего времени.

Правда, если уж быть принципиальным и последовательным в сомнениях и критике устоявшихся взглядов, то следует подвергнуть сомнению и категорию «естественных», «фундаментальных», «неоспоримых» прав человека. В ст. 1 Всеобщей декларации прав человека сказано: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах»²⁰. А в ст. 2 указывается: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей декларацией (курсив мой. – С. Ч.)»²¹. Иными словами, мы имеем перед собой не «естественное», а конвенциональное право как результат развития политико-правовой мысли XX в., уходящей корнями в идеологию гуманистов XVIII в.

Сама идея «естественных прав» выглядит весьма дискуссионной. Во-первых, рождаются «свободными и равными в своих правах» только дочеловеческие формы биологической материи. Люди изначально, от своего рождения, всегда различны по своим социальному положению, статусу, реальным правам. Во-вторых, понятие права исключает естественность, так как право – это изобретение человеческого общества, а не генетическая заданность, не закон природы (в природе действует закон естественного отбора) и не высшее предопределение (ни Моисей, ни Христос, ни Мухаммад, ни другие небожители ничего не говорили о правах человека: их послания касались лишь предписаний, обязанностей, запретов). Право создал сам человек, после того как осознал необходимость выработки регулирующие отношения с подобными себе. В этом смысле, например, адат и международное право, освященное авторитетом ООН, принципиально не различаются.

Таким образом, парадигма «естественных прав» есть не имманентное человеческому роду явление, а один из способов его самоорганизации. С точки зрения некоего «естества», нет никаких «прав» на существование, развитие, удовлетворение материальных потребностей, приобщение к ценностям мировой цивилизации и т.п., не говоря уже о самоопределении.

Фактом нашего времени является то, что представление о приоритетности индивидуальных прав в пределах индустриальной цивилизации стало нормативным. Тем не менее требуется проанализировать отдельные и основные элементы идеи коллективного самоопределения, поскольку она – важный факт политической действительности. Должен оговориться, что такой концепции не существует. Есть комплекс, или, точнее сказать, некий конгломерат, лозунгов и эмоций, касающихся идеи самоопределения. И поэтому важно проверить саму идею на предмет ее реалистичности, адекватности и инструментальности предполагаемых механизмов осуществления.

Первый вопрос: кто является носителем права на самоопределение? Если обобщить существующие формулировки и подходы, то можно сказать, что это некие группы, отличающиеся от основного населения государства теми или иными этнокультурными параметрами. К таким группам разные международные и национальные правовые документы, специалисты в области права и политических наук, политики, идеологи национальных движений, публицисты относят народы, нации, этносы, этнические, национальные, расовые, конфессиональные группы, меньшинства. Однако, как отмечалось, например, в докладе специальной комиссии, подготовленном для Министерства иностранных дел Нидерландов, согласия относительно определения носителей коллективных прав так до сих пор и нет²².

В СССР нормативной была формула «право наций на самоопределение», что соответствовало традициям ленинской и сталинской фразеологии. В сегодняшней России эта традиция сохраняется среди части обществоведов старой школы и еще в большей степени – среди простых граждан, не знакомых с новейшими изменениями в «нациеведческой» и этнологической терминологии. Этнографам-полевикам хорошо знакома трафаретная самоидентификация информаторов «мы такой-то нации» (т.е. национальности). И это наглядный пример того, как в массовом сознании формируются и утверждаются понятийно-символические стереотипы под длительным, активным и многоканальным (школа, вуз, СМИ, популярная литература) воздействием государства: разумеется, было бы глупо утверждать, что иноземное слово «нация», введенное в связи с пропагандой сталинской «теории наций», соответствовало неким исконным представлениям и языковым нормам народов СССР. Именно ученые, придерживающиеся старых концептуально-понятийных норм, и идеологи национальных движений вносят главную путаницу в вопрос о самоопределении наций.

Путаница происходит от смешения традиционной русскоязычной и международной (англоязычной) политической и политико-этнологической терминологий. В первой «нация» – это этническая общность: в научной версии – общность, по Ю.В. Бромлею – *этносоциальная*²³, в обыденном варианте – просто национальность. В международной терминологии «нация» – это общность по гражданству, по государству, по общегосударственным политическим и культурным традициям вне зависимости от этнического состава населения данного государства.

Пока существовала относительная концептуальная автаркия советского обществоведения, указанные различия не имели большого значения для внутреннего употребления. Они проявлялись только тогда, когда советские ученые пытались объясниться со своими западными коллегами. Чтобы снять терминологические несоответствия на узкоцеховом академическом уровне, было достаточно указать на историко-семантические различия между немецким Nation (исходное для советской науки понятие) и английским nation. Проблемы обнаружились в конце 1980-х – начале 1990-х годов в связи с движением советской этнологии в сторону ее более тесной кооперации с мировой наукой. Они усугубились в те же годы по причине выхода «национального вопроса» в СССР, а затем и в новых постсоветских государствах за рамки абстрактных научных построений и вторжения этого «вопроса» в реальные политические процессы.

В результате причудливого переплетения старых и новых понятий, сугубо конъюнктурных идеологических построений, а то и просто невежества термин «нация» у нас стал существовать как бы в двух измерениях и использоваться в разных его значениях в зависимости от политических интересов.

С одной стороны, СССР и пришедшие ему на смену государства – это члены международного сообщества, суверенные *нации*. С другой стороны, СССР и теперешняя Россия (не берусь судить о настроениях в других постсоветских государствах) не могут считаться нациями, поскольку нация – это этнос, а не все граждане государства. Как в недавнем прошлом сказать о существовании *советской нации* (или

советского народа) было бы равносильно признаться в великорусском шовинизме и ассимиляторских настроениях, так и сегодня сказать о существовании *российской нации* чревато теми же самыми последствиями. Максимум, на что могут согласиться самые умеренные «этнические патриоты», – это признать какую-нибудь республиканскую нацию, но такую, которая представляет собой *коренной этнос* с ассоциированными и лояльными к нему иноэтничными компонентами. И разумеется, эта *нация* имеет право претендовать на государственный суверенитет, статус полноправного участника международных отношений. Максимум, на что отваживается федеральная власть, – это заявить о многонациональном народе Российской Федерации²⁴.

Наблюдая политические перипетии в России вокруг «национального вопроса», приходится отметить, что парадигма «права *наций* на самоопределение» не стала сугубо историческим фактом, но и не приобрела большей ясности. Между тем решение проблемы хотя бы на концептуальном уровне не должно вызывать серьезных затруднений. Но для этого нужно безоговорочно принять единую систему понятийно-терминологических координат.

В международно-правовых документах встречаются упоминания о праве *наций* на самоопределение, однако определение *нации* в данном конкретном контексте не дается²⁵ и употребление этого термина выглядит скорее случайностью, чем выражением устоявшейся традиции. Очевидно, что международная правовая практика решительно не воспринимает трактовку *нации* как этноса и соответственно не распространяет на *нацию* право на самоопределение. Представляется почти удачным замечание В.А. Тишкова о том, что *нации* – это уже самоопределившиеся общности, образовавшие свои государства. Почти – потому что на практике обычно не народы самоопределяются, а их «самоопределяют».

Закljučая разговор о *нации* в контексте проблемы самоопределения и шире – коллективных прав, следует сделать вывод, что *нация* не должна рассматриваться как *этнос* (в своих теоретических построениях ученые, конечно, вольны делать все, что им захочется). Эти общности в принципе по своей типологии, происхождению, исторической обусловленности, функциям не могут быть отождествлены. Вариант совпадения *нации* и этноса – исключительно гипотетический, поскольку в современном мире нет ни одного моноэтнического государства. Впрочем, таковых не было никогда. Моноэтническими не были и известные этнографам первобытные и архаичные общества, поскольку они почти всегда включали иноплеменников. А с точки зрения современных представлений о демократии наличие даже одного *гражданина* – представителя иноэтнической группы должно исключать квалификацию данного государства как государства-этнонации. По совокупности всех изложенных выше соображений *нации* не могут рассматриваться в качестве неких естественных и юридически признанных соискателей на право самоопределения.

Встречается вариант наделения правом на самоопределение *народов*. Этот подход содержится в ряде международных актов²⁶. Он был отражен, например, и в проектах документов Общественного фонда «Гласность», обсуждавшихся на организованной фондом летом 1999 г. международной конференции «Механизмы реализации права народов на самоопределение. Права человека, терроризм и положение на Кавказе». На первый взгляд в связи с проблемой самоопределения термин «народ» представляется более удачным, чем термин «нация»: он гораздо менее теоретизирован и идеологически «ангажирован». Однако он оказывается и гораздо более многозначным, о чем уже неоднократно писалось в специальной литературе²⁷, и это избавляет меня от необходимости пояснений. Замечу только, что термин «народ» может быть применим и к *нации*, и к этносу. В результате терминологические, а значит, и существенные проблемы, только усложняются.

Увязывание права на самоопределение с *нациями* и *народами* неудачно не только потому, что существуют разные концептуальные подходы к самой этой категории, но и потому, что соответствующие базовые понятия, определяющие субъекты этого

права, оказываются нечеткими, неоднозначными по своему содержанию, даже если сделать скидку на различия сугубо лингвистические. В рамках права, как я себе представляю, не может быть поливариантности толкования терминов. А право на самоопределение должно иметь статус именно *права* в юридическом, а не в каком-то ином, абстрактном смысле. Таким образом, ни *нации*, ни *народы* не могут быть признаны в качестве юридических, т.е. безусловных носителей права на самоопределение.

В контексте международного права и мировой науки названные выше претенденты на самоопределение выглядят, впрочем, маргиналами или самозванцами. Рассуждения вокруг *наций* и *народов* – это главным образом наша советская специфика, обусловленная как инертностью мышления посредством слов-символов, так и практической заинтересованностью в сохранении этой символики.

Допущение: этническое самоопределение

Забудем теперь о терминологических казусах и примем данность: в контексте советологических/постсоветологических дискуссий принцип самоопределения по большей части увязывается с этносами, этническими общностями, этническими группами и прочими социальными единицами, к которым так или иначе можно приставить магический определитель *этно-*, который зачастую парализует аналитические способности исследователей, не говоря уже о дилетантах.

При этом, однако, возникает лежащий на поверхности вопрос: почему именно этнические общности должны признаваться в качестве естественных претендентов на самоопределение и вообще на какие-то особые права? Этот вопрос весьма активно обсуждался в отечественной научной литературе и публицистике в конце 1980-х – начале 1990-х годов и не утратил своей актуальности до сих пор. И сегодня нередко приходится слышать, что специфические права этносов фактически выше прав индивидов.

Мы имеем дело с аналогией известных попыток рационального доказательства существования Бога, ведущих свою историю от Фомы Аквинского. Как известно, эти усилия не увенчались успехом. Вера в бога – любого бога, в любой религиозной системе – может основываться только на самой *вере*. Не стану убеждать читателей, что вере надо предпочесть *ratio*: о вкусах и убеждениях бессмысленно спорить. Однако в данном случае речь идет о конкретных социальных категориях, которые составляют основу существования общества и миропорядка.

И в нашем случае встречаются попытки рационального доказательства приоритетности прав этносов. Утверждали, например, что этносы – это основные социальные структуры и даже главные элементы экономических отношений, что поэтому моноэтнические государства должны рассматриваться как норма, что генеральная тенденция современного политического развития человечества состоит в создании именно (моно)этнических государств²⁸. Мне довелось участвовать в публичной дискуссии на эту тему, и сегодня я не хотел бы возобновлять полемику, не имея для того новых причин²⁹. Эта дискуссия на почве «научного обоснования» быстро угасла. В подавляющем большинстве случаев «сторонники этносов» оперируют сугубо вне-рациональными аргументами типа того, что этносы – это нетленные гуманитарные ценности, носители чуть ли ни заданного высшей волей многообразия человеческого рода и т.п. Разумеется, подобные аргументы нельзя считать серьезными, хотя на поверку они зачастую оказываются очень даже рациональными, когда подоплеку составляют соображения политического или экономического характера, стремление обеспечить собственные интересы посредством лозунга защиты этнических прав.

Сделаем, однако, еще одно допущение, признав этнические права, включая этническое самоопределение, в качестве категории, соотносимой с гипотетическими «естественными правами». Но тогда возникает вопрос: какие группы людей могут считаться претендентами на роль носителей «этнических прав»?

Излишне говорить о дискуссиях, ведущихся, например, вокруг понятия «этнос» в отечественной литературе. Сторонники традиционного толкования «теории этноса» продолжают делать вид, что она остается непоколебимой, что, следовательно, с этносом в целом все понятно, а критики и сомневающиеся впали в грех конструктивизма, постмодернизма и т.п. Однако и новейшие веяния в отечественной этнологической теории не проясняют суть вопроса. Следует признать, что ни одна из существующих концепций, располагающихся в диапазоне «теория этноса – примордиализм – конструктивизм», не в состоянии дать удовлетворительных и исчерпывающих ответов на вопросы, касающиеся категории *этнического*, хотя каждая из них дает подход к пониманию отдельных аспектов проблемы.

Если ученые занимаются теоретизированием для собственного удовольствия, то это не имеет последствий для общества. Но если они пытаются выдать свои умозаключения за истину и навязать их обществу в качестве метода решения его проблем, то здесь и проявляются слабости, присущие любой теории. Действительность же такова, что сегодня мы не имеем абсолютно бесспорных научных критериев для идентификации *этноса*, которые могли бы послужить основанием для выделения потенциальных носителей права на этническое самоопределение.

Должен оговориться, что я не принадлежу к числу тех ученых, которые отрицают существование этносов, хотя меня и упрекали в этом или в чем-то подобном³⁰. Если я писал о том, что этничность отчасти иррациональна (а именно на это указывали мои оппоненты), то имел в виду невозможность – по крайней мере с помощью современных научных методик – определить родовую функцию этничности и ограниченность наших рационально-познавательных способностей³¹. Впрочем, я вообще не знаю ни одной работы, в которой полностью отрицалось бы существование этносов. В некоторых отечественных публикациях особенно достается по этому поводу В.А. Тишкову³², недобрым словом поминают и Б. Андерсона, который имел несчастье назвать свою известную книгу «Воображаемые общности». В.А. Тишков не нуждается в защитниках, хотя можно пожелать ему большей точности и аккуратности в формулировках, поскольку читателям свойственно обращать внимание прежде всего на формулировки, а не извлекать из них мысль. А что касается Б. Андерсона, не ожидавшего, конечно, критики в свой адрес из России, то будет уместно сказать о его концепции несколько слов.

Складывается впечатление, что критики Б. Андерсона не пошли дальше перевода на русский язык названия его работы. Даже при самом поверхностном чтении его книги невозможно обнаружить чего бы то ни было похожего на отрицание объективного существования этнических или иных человеческих общностей. А писал он вот что (привожу оригинальный текст, чтобы исключить подозрения в неточном переводе): «In fact, all communities larger than primordial villages of face-to-face contact (and perhaps even these) are imagined»³³. Суть подхода Б. Андерсона можно понять из его объяснения, почему он считает воображаемой нацию: «It is *imagined* because the members of even the smallest nation will never know most of their fellow-members, meet them, or even hear of them, yet in the minds of each lives the image of their communion»³⁴.

Отечественная этнологическая теория оказалась неготовой к новым этническим тенденциям, о чем я писал в своей недавней статье³⁵. Это выглядит особенно очевидным на фоне процессов «этнического возрождения», развернувшихся в нашей стране в последние десятилетия. Благодаря этим процессам общество и чиновники, ответственные за политику в «национальном вопросе», узнали о существовании этнических групп, которые прежде не интересовали никого, кроме специалистов. Начались лавинообразные процессы «этнической сепарации» и «этнической парциации», выражаясь терминами отечественной этнологической теории. Иными словами, обнаружилась тенденция своего рода «этностроительства», за которой чаще всего стоят сугубо прагматические интересы активистов подобного рода инициатив.

* В отличие от некоторых авторов я не склонен полностью отождествлять теорию этноса и примордиализм.

Если вдуматься, то классические признаки этноса, выделяемые «теорией этноса», можно найти, например, в сообществах панков, байкеров, футбольных фанов и даже в виртуальном сообществе интернетчиков. Все они демонстрируют межпоколенную передачу традиции, особую (суб)культуру, особый язык (жаргон), собственные самосознание и самоназвание. Между прочим, нация (как *полиэтническое* общество) тоже отвечает этим критериям.

В связи со всем сказанным выше обнаруживается, что современная этнология не может дать строгого научного обоснования принципу этнического самоопределения, поскольку невозможно определить (в принципе, а значит, и в каждом отдельном случае), кто может и кто не может претендовать на это право.

Иллюзии самоопределения

Еще один круг проблем связан с критериями и процедурами самоопределения. Когда, при каких условиях можно быть уверенным, что имеет место именно *самоопределение*?

Некоторые зарубежные страны накопили определенный опыт в выработке подходов к означенным проблемам, однако он скорее подтверждает их сложность, нежели являет убедительные и многочисленные примеры их успешного решения. Следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о «классическом периоде» самоопределения, связанном с деколонизацией послевоенных десятилетий, а о 1970–1990-х годах. В это время политическая карта мира стабилизировалась, и вопросы самоопределения перешли из плоскости отношений между колониями и метрополиями в плоскость отношений внутри государств. Именно этот тип коллизий и вызывает до сих пор непрекращающиеся дискуссии среди специалистов.

Правда, соискатели этнического самоопределения и сегодня зачастую обосновывают свои требования тем, что они как раз и находятся на положении колоний – «внутренних колоний». Можно, например, вспомнить, что в период распада СССР практически все национальные движения, выступавшие за ту или иную форму политического самоопределения, заявляли, что их республики находятся в колониальной зависимости от Москвы. Очевидно, что подобные утверждения представляют собой не более чем идеологическое обеспечение сепаратизма и не имеют ничего общего с известными актами ООН о деколонизации.

Таким образом, проблема самоопределения сегодня касается преимущественно положения и прав этнических групп в независимых государствах. Если в случае с деколонизацией критерии были достаточно ясны и не требовалось выдвигать какие-то особые механизмы выявления воли «самоопределявшихся» народов, то в современных условиях это является одной из главных проблем.

Никогда сам этнос не выступает в качестве сознательного, активного и монолитного борца за то бы то ни было, в том числе и за политическую самостоятельность. Всегда такую роль играют политические группировки, претендующие на выражение интересов своего этноса. В действительности чаще всего они же и формулируют эти интересы и пытаются внедрить их в сознание соплеменников, хотя очевидно, что у этноса не может быть единых интересов. Требование самоопределения обычно есть не выражение единой и общей воли этноса, а фальсификация ее этнической элитой.

Коль скоро этносы внутренне дифференцированы, возникает вопрос: если его члены расходятся во мнении относительно целесообразности самоопределения, то каково должно быть соотношение голосов, чтобы признать его выражением стремления *этноса* к политической самостоятельности? Надо подумать, уместны ли в данном случае демократические процедуры типа референдума. Подобные процедуры имеют смысл тогда, когда речь идет о важных вопросах жизни общества и требуется выявить личный выбор граждан. При этом принимается принцип демократического устройства общества: меньшинство подчиняется большинству. Самоопределение же этноса означает нечто иное: во-первых, выявление, а точнее конструирование, некоего единого

мнения, а во-вторых, сецессию этноса или территориально-политическое обособление в рамках государства. А это создает множество проблем: в частности, возникает вопрос, что делать тем, кто не хочет «самоопределяться»? Впрочем, если говорить об СССР, то акты или попытки самоопределения вовсе не сопровождались никакими демократическими процедурами. Более того, людям не позволяли раздумывать, сомневаться, дискутировать. Им было предписано стать независимыми.

Один из недостатков идеи этнического самоопределения в виде отделения заключается, как это ни парадоксально звучит, в недостижимости этой идеи. История не знает примеров построения (моно)этнических государств в результате актов самоопределения. В любом государстве есть иноэтничное население, которое вовсе не обязательно собиралось самоопределяться за компанию с отделившимся этносом. Характерные примеры – Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Гагаузия. В таких случаях последовательное строительство этнического государства неизбежно будет выражаться в притеснении этнических меньшинств, как это происходит в Латвии и в несколько меньшей степени в Эстонии.

Идея самоопределения уязвима потому, что реализовать ее практически невозможно без ущерба для кого-то другого (для иных этнических групп, государств), а зачастую и для части собственного этноса. Не говоря уже о том, что чаще всего принцип самоопределения вступает в неразрешимое противоречие с основополагающими принципами международного сообщества – признанием суверенитета и целостности *существующих* государств.

Все это имеет следствием то, что попытки «самоопределения» обычно порождают острые конфликты внутри государств, а в международных отношениях они часто используются в целях давления на соперников или даже разрушения недружественных государств, примерами чего могут служить судьба СФРЮ, недавняя агрессия НАТО против Югославии, позиция Запада в отношении чеченского конфликта.

Есть ли выход?

Предпринятый анализ показывает наличие ряда фундаментальных проблем, касающихся концептуализации, правового обеспечения и механизмов реализации принципа этнического (политического) самоопределения.

Во-первых, нет доказательств того, что этот принцип можно отнести к числу базовых прав человека и, главное, что он обеспечивает его интересы; во-вторых, отсутствуют недвусмысленные международные правовые нормы, пригодные для толкования и реализации такого права; в-третьих, нет четких критериев определения предполагаемых субъектов права на этнополитическое самоопределение; в-четвертых, нет бесспорных с точки зрения демократических принципов процедур осуществления этого права, которые позволили бы обеспечить именно самоопределение этнических групп как неких целостных образований; в-пятых, нет способов совместить этническое самоопределение с другими правовыми нормами, призванными обеспечить поддержание политического миропорядка и интересы других этносов.

Вместо того чтобы предпринимать все новые титанические и бесплодные попытки сделать принцип самоопределения реализуемым на практике, есть, видимо, смысл задуматься, не является ли сам этот принцип заблуждением. Мне представляется, что вместо его пропаганды следует сосредоточить интеллектуальные и просветительские усилия на снятии ажиотажа вокруг этого вопроса, делая упор на пропаганду и разъяснение того, что только последовательное развитие демократических норм устройства общества может привести к решению и этнических проблем. Прекрасно отдаю себе отчет в том, что эта идея может вызвать возмущенные отклики, поскольку она идет вразрез с устоявшимися психологическими и идеологическими стереотипами, а еще больше – с позицией тех этнических элит, которые используют лозунг самоопределения в своих интересах. Надеюсь, однако, что коллеги сочтут мою статью поводом для серьезной дискуссии.

Примечания

- ¹ Декларации о суверенитете союзных и автономных республик. М., 1990.
- ² См., напр.: *Губогло М.Н.* Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 124.
- ³ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических республик. М., 1977. С. 11. Эта формула была воспроизведена и в «перестроечной» версии Конституции 1988 г.: Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1988. С. 24.
- ⁴ *Тишков В.А.* О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // Сов. этнография (далее – СЭ). 1989. № 1. С. 81.
- ⁵ *Абашидзе А.Х.* Национальные меньшинства и право на самоопределение (международно-правовые проблемы) // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1995. № 2. С. 151.
- ⁶ СССР и международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы. М., 1989. С. 292, 302.
- ⁷ *Абашидзе А.Х.* Указ. раб. С. 151.
- ⁸ Там же. С. 152.
- ⁹ См., напр.: *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России // Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 162.
- ¹⁰ *Кропоткин П.А.* Современная наука и анархия // *Кропоткин П.А.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990. С. 287–288.
- ¹¹ Там же. С. 287.
- ¹² Всеобщая декларация прав человека // СССР и международное сотрудничество в области прав человека... С. 414.
- ¹³ Декларация прав и свобод человека // Правда. 1991. 7 сент.
- ¹⁴ См., напр.: *Грушкин Д.В.* Право на самоопределение: история развития и воплощения идеи // Право народов на самоопределение: идея и воплощение. М., 1997. С. 6–34.
- ¹⁵ Об этом см., напр.: *Ленин В.И.* О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 295; *The Nationalities Question in the Soviet Union. L.: N.Y., 1990. P. 2; Walker L.* Towards an improved Analysis of Soviet Ethnic relations // Center of Studies of Social change. 1991. P. 2.
- ¹⁶ *Ленин В.И.* Социалистическая революция и право наций на самоопределение (Тезисы) // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 255.
- ¹⁷ *Сталин И.В.* К постановке национального вопроса // Соч. Т. 5. С. 53.
- ¹⁸ *Ленин В.И.* Доклад на II съезде коммунистических организаций народов Востока // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 327–331.
- ¹⁹ Об этом я писал в книге: *Чеико С.В.* Распад Советского Союза: этнополитический анализ. М., 1996.
- ²⁰ Всеобщая декларация прав человека. С. 414.
- ²¹ Там же.
- ²² Collective Rights // Advisory Committee on Human Rights and Foreign Policy c/o Ministry of Foreign Affairs. The Hague. 1995. P. 7.
- ²³ См., напр.: *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 32–33.
- ²⁴ Конституция Российской Федерации. Известия. 1993. 28 дек.
- ²⁵ Об этом см., напр.: *Абашидзе А.Х.* Указ. раб. С. 151.
- ²⁶ См., напр.: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах; Международный пакт о гражданских и политических правах // СССР и международное сотрудничество в области прав человека... С. 292, 302.
- ²⁷ См., напр.: *Бромлей Ю.В.* Указ. раб. С. 11.
- ²⁸ *Перепелкин Л.С., Шкаратан О.И.* Экономический суверенитет республик и пути развития народов (теоретическая дискуссия вокруг вопросов практической жизни) // СЭ. 1989. № 4. С. 32–48.
- ²⁹ *Чеико С.В.* Антитезисы к тезисам (О статье Л.С. Перепелкина и О.И. Шкаратана «Экономический суверенитет республик и пути развития народов») // СЭ. 1990. № 4. С. 16–28.
- ³⁰ См., напр.: *Арутюнов С.А.* Этничность – объективная реальность (отклик на статью С.В. Чеико) // ЭО. 1995. № 5. С. 7; *Заринов И.Ю.* Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // ЭО. 2000. № 2. С. 14.
- ³¹ *Чеико С.В.* Человек и этничность // ЭО. 1994. № 6. С. 39–40.
- ³² См., напр.: *Козлов В.И.* Проблематика «этничности» // ЭО. 1995. № 4. С. 52; *Рыбаков С.Е.* Национализм и нация // ЭО. 1999. № 4. С. 7. В одной из своих публикаций я тоже довольно жестко критиковал позицию В.А. Тишкова. См.: *Чеико С.В.* Архетипы сознания и реальности бытия // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 123–135.
- ³³ «В действительности все общности крупнее первобытных (а возможно, даже они) являются воображаемыми» (см.: *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Verso. L.: N.Y., 1991. P. 6).

³⁴ «Она воображаема, так как члены даже самых маленьких наций никогда не узнают большинство своих соплеменников, не встретятся с ними и даже не услышат о них, тем не менее, в головах всех живет образ общности» (см.: *Anderson B.* Op. cit. P. 6).

³⁵ *Чешико С.В.* Перепись населения: кого считать и как считать? // ЭО. 2000. № 4. С. 82–90.

S.V. Cheshko. Self-determination doctrine crisis

Having analyzed a wide range of problems pertaining to the right of self-determination (with reference to ethnic communities before all), the author arrives at the conclusion that there are no indisputable arguments today in favor of lobbying realization of that right. It is more productive to inculcate into the minds of people a paradigm of civil rights which would ensure at the same time realization of the rights of ethnic groups too.

© 2001 г., ЭО, № 2

С.В. Соколовский

ПРОБЛЕМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ (ОБЗОР)*

Проблемам самоопределения и самоуправления у коренных народов посвящено множество работ; значителен и объем специальных публикаций, освещающих российский опыт решения этих проблем, – как исторический, так и современный. Однако среди этих работ, на мой взгляд, ощущается нехватка статей обзорного характера, которые бы ориентировали читателя в растущем числе публикаций, посвященных различным аспектам этой сложной темы.

Известно, что проблемы самоопределения и самоуправления относятся к числу наиболее острых и – если говорить о ситуации с правами коренных народов в целом – до сих пор не нашедших удовлетворительного решения проблем современного конституционного и международного права. Из всех требований коренных народов к правительствам государств и международным организациям, пожалуй, лишь попытки реализации права на землю встречают столь же упорное сопротивление властей. Причины такого положения – не только незаинтересованность правительств, политических и экономических элит в удовлетворении противоречащих их интересам требований, но и весьма устойчивые стереотипы мышления и клише, сложившиеся еще в эпоху колониализма и с тех пор мало изменившиеся¹.

Проблематика самоопределения в случае коренных народов оказывается тесно связанной с проблемами самоуправления. Низкая плотность коренного населения на территориях традиционного расселения и обычно небольшая доля среди остального населения регионов их проживания – серьезные препятствия для государственной формы самоопределения, но они не отменяют разнообразных возможностей внутреннего самоопределения, связанного с выбором формы правления. Самоуправление в этом случае становится реализацией внутреннего аспекта самоопределения. Рассмотрение и оценка международного опыта самоуправления коренных народов и являются задачами данного обзора.

Помимо практических сложностей, которые возникают при согласовании интересов

¹ Работа выполнена при поддержке Фонда Дж. и К. Макартуров (грант № 00-62615-000). Вариант публикуемого текста был впервые представлен в сборнике докладов конференции по визуальной антропологии «Открытость и сообщаемость культур» (М., 1999).